В. В. Пименов

КАФЕДРА ЭТНОГРАФИИ ИСТФАКА МГУ В НАЧАЛЕ 1950-х годов — Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ *

Я хочу немного рассказать об одном из самых интересных и ярких людей среди всех тех, кого довелось мне встретить на моем жизненном пути,— о Николае Николаевиче Чебоксарове ¹. В те годы, когда я учился на кафедре этнографии, он

ею заведовал. И встретился я с ним именно на кафедре.

Первое ощущение, которое возникло у меня при общении с Н. Н. Чебоксаровым, это ощущение таланта. Причем таланта, так сказать, в чистом виде. Внешность профессора к этому никакого отношения не имела — красотой он явно не отличался: невысокого роста, с довольно большим животом, тонкими ногами и покатыми плечами, лысоватый, с одутловатым лицом. Но стоило ему заговорить — начать лекцию, принять участие в обсуждении, да и просто в разговоре — все менялось: он становился обаятелен, приятен, привлекателен, даже красив...

Я все стараюсь понять: как это могло получаться? И не вижу другого ответа,

кроме одного: талант.

Н. Н. Чебоксаров владел двумя профессиями — этнографа и физического антрополога, — и они столь органично в нем сочетались, что он и сам не мог сказать, какой из них отдает предпочтение, кем в большей степени себя считает и кем является. Он даже сердился, когда его об этом спрашивали. Но иногда его почти принуждали делать этот выбор. Помню, как-то весной Николай Николаевич и я, тогда студент то ли четвертого, то ли пятого курса, случайно вместе шли из Института этнографии на истфак, на кафедру. Утро мы провели на заседании годичной отчетно-экспедиционной сессии (конечно, порознь — профессор в президиуме, а я — среди публики в зале) и теперь торопились — он читать очередную лекцию, я же — ее слушать. Шли быстрым шагом. (Замечу, что Н. Н. Чебоксаров ходил быстро, потому что всегда спешил.) Разговор на ходу не получался, обменивались какими-то пустяковыми репликами («Который час?», «Не опоздаем ли?»). Но когда мы уже приближались к факультету, Н. Н. Чебоксаров вдруг как-то опасливо огляделся вокруг и, слегка задыхаясь и пыхтя от поспешной ходьбы, заговорил быстро и отрывисто:

— Черт знает, что такое! Как бы не вернулось то, что уже бывало! Опять заговорили о предмете этнографии и опять о том, что у этнографа его будто бы нет ². Сегодня подходит ко мне NN (он назвал одного очень крупного и чиновного академического историка) и заявляет: «Ну, что это там Сергей Павлович (Толстов.— В. П.) и его помощники хлопочут вокруг предмета и методов этнографии? Когда-то говорили, что этнографы — это люди без определенных занятий. И ведь похоже на правду! Покажите мне хоть одного настоящего "чистого" этнографа. Едва ли найдете. Толстов — археолог, Кушнер — историк, Левин — антрополог...» Я говорю, пожалуйста, я — этнограф. А он меня перебивает: «Ну, зачем же Вы так говорите, Николай Николаевич? Ведь мы знаем, что Вы тоже антрополог... Кто же остается? Кого можно считать собственно этнографами? —

Какие-то дамы, занятые тряпковедением...³»

Я спросил:

— И что же Вы ему ответили?

— Что я ему ответил? Что я ему ответил? (У Николая Николаевича была привычка повторять, как бы для себя, какую-либо фразу или слово.— В. П.) Я многое ему ответил и мог бы ответить еще больше... Но он не слишком-то хотел меня слушать...

Из книги «Моя профессия — этнолог», подготавливаемой автором к публикации.

Мы уже подходили к зданию факультета. Тут Н. Н. Чебоксарова окликнул кто-то из служащих деканата, он задержался, а я поспешил на кафедру.

Этот разговор не имел продолжения, но тема возникла и привлекала меня к

себе неоднократно...

Неотразимо сильное впечатление на слушателей и собеседников Н. Н. Чебоксарова неизменно производила его необычайно обширная эрудиция. Как известно, воздействие эрудиции бывает разным, иногда она сковывает, мешает думать самостоятельно. Но к нашему профессору это никак не относилось. Эрудиция Николая Николаевича, придававшая особую яркость его выступлениям, способствовала интеллектуальной инициативности.

Первая встреча нашей студенческой группы (и моя, конечно) с Н. Н. Чебоксаровым запомнилась навсегда. Нам предстояло прослушать курс лекций «под титлом» «Этнография народов европейских стран народной демократии». Легко догадаться, что в те времена такой курс лекций вызывал весьма большой и неподдельный интерес. Мы собрались, явился Николай Николаевич, и началась вступительная лекция. Первый час ее прошел весьма интересно. Профессор обрисовал нам различные аспекты этнографической проблематики, связанной с восточноевропейскими странами и народами, говорил живо, с подъемом. Однако к концу первого часа наш лектор стал как-то задумываться и вдруг спросил сидевшую за своим столиком лаборантку:

— Валентина Константиновна, согласно учебному плану, не должен ли Сергей Александрович (Токарев. — $B.\ \Pi.$) читать этой группе параллельно со мной курс

лекций «Этнография южных и западных славян?»

Та, справившись с какой-то, тотчас извлеченной ею из шкафа, пространной

бумагой, ответила утвердительно.

— Ну, вот видите, ну, вот видите...— запыхтел Н. Н. Чебоксаров.— Нам с Сергеем Александровичем придется более чем в половине случаев говорить об одних и тех же народах. Такой параллелизм совершенно не нужен, совершенно не нужен. Мы не будем, разумеется, просить Сергея Александровича что-либо менять в его планах. Лучше, если это сделаю я. Да, да, гораздо лучше будет, если это сделаю я. Ну, что же,— сказал он улыбаясь.— Я собирался рассказывать вам о народах восточной части зарубежной Европы. А теперь я полагаю, что будет лучше, если я сделаю вам обзор этнографии всей зарубежной Европы. Да, конечно, так будет лучше, гораздо лучше.

В этот момент зазвенел звонок.

— Вот и отлично, вот и отлично, — сказал Н. Н. Чебоксаров. — Молодые люди и девушки 10 минут отдохнут, а мы с Вами, Валентина Константиновна, тем

временем внесем изменение в учебный план.

Мы вышли в коридор слегка ошалелые. Вот так номер! Ему, видите ли, все равно, что читать — этнографию только *прилежащих* к нам европейских стран или этнографию *всех* европейских народов. Да еще без какой бы то ни было подготовки. Иначе: должен был говорить об одном ограниченном регионе, а будет — о целом субконтиненте. Да какой же надо владеть эрудицией, чтобы без всякого, казалось бы, напряжения перейти от одного к другому? Вот так Н. Н. Чебоксаров всех нас удивил и потряс — однажды и навсегда.

Николай Николаевич читал нам еще два курса лекций — «Основы антропологии» с преобладающим акцентом на расоведении или, как он любил говорить, на этнической антропологии, и курс, которому и он сам придавал большое значение, и мы, его слушатели, воспринимали как нечто новое и необыкновенное.

Сначала скажу о курсе по антропологии. Н. Н. Чебоксаров считался первоклассным полевым антропологом: он отлично владел антропометрическими циркулями и собранные им материалы о «живых объектах» (т. е. обследуемых представителях разных народов) вошли в золотой фонд антропологических данных о народах нашей страны. Он обследовал коми-зырян, дунган, ряд народов Прибалтики и др. Кажется, я не выдам большого секрета, если скажу, что он также обследовал пленных немцев ⁴, в составе расовых типов которых эмпирически

доказал присутствие (вплоть до Баварии) монголоидного компонента (хотя, конечно, и ослабленного). Уже один этот факт решительно подрывал антинаучный нацистский тезис о «чистоте» так называемой немецкой, арийской, или нордической расы. Н. Н. Чебоксаров работал также в области расовой типологии и общей теории расогенеза. Поэтому его лекции всегда отличались теоретической свежестью, новизной, а кроме того, во многом основывались на личном опыте, что позволяло ему с полным правом говорить: я измерил, мы обследовали или же я помню, как однажды... Легко понять, как это привлекало к нему наши симпатии и сердца.

Я не антрополог и не могу дать оценку той позиции, которую отстаивал в антропологии Н. Н. Чебоксаров. Однако мне приятно напомнить, что почитаемый мною профессор ясно и определенно поддерживал принципы популяционной генетики в антропологии, способствовал изучению так называемых «генетических признаков» (в частности, групп крови), что под его руководством у нас сложилась своя школа одонтологии (расоведческое изучение зубов у живых людей).

Другой цикл лекций — по исторической географии Китая (в данном случае по этнической истории китайцев) — оказался для нас (и для меня) замечателен тем, что в нем впервые в официальном кафедральном курсе шел разговор — пусть еще вполголоса и весьма осторожно — об этносе — том феномене, который теперь в нашей науке прочно признан главным объектом изучения этнографии (или этнологии).

Здесь нужно пояснить, почему вполголоса и осторожно. Теория этноса в целом, конечно, итог интернациональных и многосторонних усилий. Но существовал ее российский вариант, который складывался в течение примерно первых двух или двух с половиной десятилетий ХХ в. Сейчас нередко автором этой теории называют С. М. Широкогорова, что не совсем верно: он выступил в качестве одного из ее авторов, у него имелись предшественники. Однако, как бы то ни было, книга С. М. Широкогорова «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» вышла в свет в 1923 г. в Шанхае, куда автор уехал из Владивостока. В сталинские времена книга, разумеется, была запрещена, ее автор — предан забвению. А вместе с ними оказалась «скомпрометированной» и теория этноса. Мы, студенты моего поколения, ничего о ней не знали.

И вот Н. Н. Чебоксаров в 1952/53 учебном году предпринимает попытку рассказать студентам об этносах на примере этнической истории ханьцев (китайцев). Следовательно, этнография в этой новой интерпретации начинала выглядеть как этническая история. Надо, кроме того, отметить, что наш профессор, конечно, не просто восстанавливал для нас концепцию С. М. Широкогорова и его предшественников. Нет, он переработал ее по-своему: если ученые 1900-х годов рассматривали этнос как биологическую сущность (вот откуда берут начало биопопуляционистские этнические эскапады Л. Н. Гумилева и его немногочисленных сторонников), то он анализировал этнос как сущность социальную, историческую и культурно-региональную.

...О Н. Н. Чебоксарове говорили разное. Некоторые утверждали, что он был слишком осторожен и даже трусоват. Не стану спорить. Хочу только заметить, что чтение в названные годы теории этноса под видом этнической истории Китая на историческом факультете МГУ следует, скорее, рассматривать как акцию науч-

ного и гражданского мужества, а уж никак не трусости.

Хотя концепция (теория) этноса в изложении Н. Н. Чебоксарова выглядела, как теперь ясно, «чрезмерно обстриженной» (без историографии, без детальной разработки понятийного аппарата, без теоретико-методологического введения и без других элементов, необходимых для корректного ее изложения), тем не менее она произвела на меня и на некоторых моих сокурсников очень сильное впечатление. Я готов даже признать, что именно круг идей, связанных с этой концепцией, остался с тех далеких студенческих лет в центре моих исследовательских интересов.

Но откуда же бралась у Н. Н. Чебоксарова его широчайшая научная осведомленность, его выдающаяся эрудиция, позволявшие ему делать иной раз такие заключения, которые рождались из сближения и сопоставления явлений, отстоящих, казалось, очень далеко друг от друга? Общий ответ ясен: постоянный труд, непрерывная работа по приращению знаний в самых разнообразных ее формах. Я не имел возможности часто видеть Н. Н. Чебоксарова в домашней обстановке, но всякий раз, когда я к нему приходил, то заставал его с книгой или с журналом в руках. Знаю также, что он очень любил рассматривать географические карты, атласы — долго не выпускал из рук попавшуюся ему карту. Причем отовсюду — из научной статьи по генетике или из прочитанного в журнале романа — он непременно извлекал какую-нибудь этнографическую информацию.

Много лет спустя после моей учебы в университете, уже работая в Институте этнографии, я как-то зашел в комнату, где обыкновенно бывал Н. Н. Чебоксаров в те дни, когда приходил в институт. Не помню, какой повод привел меня тогда к нему. Дело было осенью, и шла подписка на газеты и журналы. В комнате сидел мой профессор вместе с общественной распространительницей печати (кстати, его бывшей ученицей и моей сокурсницей). Они вдвоем «оформляли» подписку Николая Николаевича на следующий год. Видно было, что они заняты этим уже давно и закончат не скоро. Я заходил попозже еще и еще раз — та же картина. В тот день так и не удалось поговорить. Вот — еще один из каналов приобретения эрудиции.

В пору моего студенчества и несколько позже Н. Н. Чебоксаров занимал две должности — заведующего кафедрой этнографии на истфаке МГУ и заведующего сектором этнографии народов Европы ⁵ в Институте этнографии. Потом он уехал на 3 года в Китай, а когда вернулся, то стал заведовать сектором этнографии народов Восточной Азии, а через некоторое время — всей зарубежной Азии. На кафедре он, кажется, еще какое-то время сотрудничал, но в руководстве ею

участия больше не принимал.

Мне не раз приходилось наблюдать, сколь мастерски Н. Н. Чебоксаров вел заседание своего «европейского» сектора. Однажды я сам (в 1955 г., после моей первой и очень интересной экспедиции к вепсам) получил от него приглашение выступить на заседании сектора с докладом по итогам полевой работы. Такое предложение считалось очень почетным. Меня выслушали (в течение почти часа), задали вопросы и дали возможность ответить. В меру покритиковали (в частности,

за плохое качество фотографий), в меру похвалили.

Злые языки говорили, что Н. Н. Чебоксаров не всегда читал перед заседанием сектора те рукописи, которые подлежали обсуждению. Но он обладал такой исключительной памятью, таким напряженным вниманием, такой настроенной интуицией, что стоило ему пролистать рукопись (даже большую) в ходе вступительного слова автора и последующих выступлений других ораторов, к которым он также одновременно прислушивался, что в своем заключении практически безошибочно анализировал обсуждавшийся труд, указывал на его недостатки и достоинства, давал библиографические рекомендации и формулировал общее решение.

Н. Н. Чебоксаров занимал еще одну научно-административную должность, о которой, наверное, следует упомянуть, — должность начальника Комплексной историко-археолого-антрополого-этнографической Прибалтийской экспедиции. Эта должность, я думаю, принесла ему всякое — и удовольствие, и неприятности. Сущность программы этой экспедиции, если она когда-нибудь внятно формулировалась, состояла в попытке координировать научные усилия в республиках Советской Прибалтики, а также отчасти и руководить местной научночисследовательской работой. Это руководство у некоторых местных исследователей определенно вызывало неприятные чувства, но другие охотно принимали его и немало от этого выигрывали. Включение в общую программу позволяло готовить (через аспирантуру) значительное число кадров, вводить их в общесоюз-

ный научно-интеллектуальный поток и т. п. Вместе с тем руководство из центра нередко персонифицировалось, а недовольство теми или иными случаями проявления бестактности или грубости более или менее спонтанно скапливалось вокруг одного имени, часто наиболее популярного. Коллеги из Эстонии (в частности, некоторые этнографы из г. Тарту) говорили мне, что Н. Н. Чебоксаров иногда слишком «собственнически» обращался с их материалами и выводами, известными ему как начальнику экспедиции. Смысл их претензий состоял в следующем: «Каждый из нас изучает свою узкую тему, мы собираем материал и приходим к какому-то выводу. После этого делимся своими данными с начальником экспедиции. А потом — на отчетно-экспедиционной сессии в Москве, — слушая пленарный доклад начальника Прибалтийской экспедиции, вдруг узнаем, что наши (пусть небольшие, но наши) достижения уже, таким образом, помимо нас введены в научный оборот. И нам не остается ничего другого, как ссылаться на публикацию нашего начальника».

Я не думаю, что Н. Н. Чебоксаров намеренно хотел «обездолить» своих коллег и в известном смысле подчиненных: он сам буквально «фонтанировал» научными идеями и данными, и те, кто хотел ими пользоваться, не оставались в накладе. Но несомненно и то, что он иной раз проявлял странную и, конечно, отнюдь не похвальную забывчивость — не указывал автора той или иной разработки, того или иного эмпирического факта.

...Как бы это ни казалось странным, но у меня сложилось впечатление, что H. H. Чебоксаров не любил писать длинные научные тексты (статьи, книги и т. п.). Он любил беседовать, произносить монологи; впрочем, я уверен, что ему очень нравились и содержательные диалоги. Ему требовалось общество (пусть даже просто собеседник в единственном лице), в котором он проговаривал все то, что другим хотелось бы записать. А однажды «проговоривши» мысль, ему уже становилось не слишком интересно возвращаться к ней и не хотелось еще раз воспроизводить ее письменно. Кроме того, всегда было «оправдание»: главное ведь придумать идею, а записать ее можно и потом, успеется. С людьми, очень богатыми духовно, такое нередко случается.

Наверное, поэтому Н. Н. Чебоксаров любил диктовать и с очень большим уважением, даже пиететом относился к стенографисткам. Я нечаянно оказался свидетелем того, как он диктовал стенографистке одну из своих университетских лекций, текст которой потом (конечно, несколько измененный и доработанный) не без удовольствия прочитал в виде вводной главы к некоему коллективному труду. Даже отзывы о диссертациях, по которым Николай Николаевич выступал оппонентом, он чаще всего диктовал самому соискателю. Именно так он поступил и со мною, и со многими другими. Конечно, формально это можно рассматривать как нарушение правил ВАКа, но, ей Богу, те 2 или 3 часа, в течение которых Николай Николаевич диктовал свой отзыв, становились нередко очень важным и ярким моментом в жизни диссертанта: ведь можно было поговорить, высказать свои мысли, уточнить позицию... И в результате — не просто защита диссертации, а нередко новый интеллектуальный импульс, новый поворот темы...

Когда начинаешь перебирать в памяти написанные Н. Н. Чебоксаровым научные труды, невольно удивляешься тому, что написал он, оказывается, существенно меньше, чем высказал. Единственная прижизненно изданная книга «Народы. Расы. Культуры» (М., 1971) — это, в сущности, популярное изложение взглядов Н. Н. Чебоксарова, а не научное их обоснование, это главным образом выводы ученого и лишь отчасти их аргументация ⁶. Другие книги (в частности, по китаеведению) опубликованы уже после кончины Н. Н. Чебоксарова и подготовлены для печати его учениками и коллегами. А сколько же он сделал устных докладов, резюме различных научных заседаний и совещаний, сколько раз он выступал в прениях! И сколько высказал интересных научных мыслей, тонких замечаний, которые, к сожалению, не вошли в его печатные труды.

И тем не менее, если даже иметь в виду только публикации, можно выстроить достаточно длинный ряд плодотворных идей, методологических соображений,

теоретических «формул», к которым Н. Н. Чебоксаров имел прямое отношение как автор либо как соавтор: концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ), концепция историко-этнографических областей (ИЭО), важные мысли по общей теории этноса, гипотеза относительно информационной трактовки этноса, идея типологии этносов в соответствии с общественно-экономическими формациями... Да если ограничиться лишь перечисленным, то и в этом случае вклад в науку

получается очень заметный.

Впрочем, нет никакой нужды что-либо и хоть сколько-нибудь преувеличивать. Н. Н. Чебоксаров принадлежит истории нашей науки. Мне только кажется уместным сказать, что сам он весьма критически относился к своим идеям и никогда не приписывал им значения полной или тем более непререкаемой истины. Подкреплю это кратким рассказом лишь об одном эпизоде. Он, правда, имел место гораздо позже, уже в 70-е годы. К этому времени Н. Н. Чебоксаров заметно постарел, обрюзг, стал часто болеть, быстро уставал. Ему стало трудно дойти от дома до института (Чебоксаровы жили недалеко), и его обычно сопровождала супруга Ирина Абрамовна. Однажды на Ученом совете института был доклад Николая Николаевича (думаю, что он сам попросил дирекцию об этом), Н. Н. Чебоксаров выступал первым и говорил, как мне помнится, о своеобразии хозяйственно-культурных типов в экстремальных (например, циркумполярных) условиях. Доклад, как всегда, выслушали с большим вниманием; задали вопросы, Николай Николаевич на них ответил. Затем совет занялся очередным вопросом повестки дня, а Н. Н. Чебоксаров и его супруга вышли из зала. Через некоторое время по какой-то служебной причине мне пришлось уйти с заседания. Когда я проходил мимо комнаты, где сидели Чебоксаровы, они меня окликнули. Я вошел.

— Вы нас забываете, Володя. Давно уже не приезжали. Посидите с нами.

Я присел. Разговор зашел о докладе. Спросили, понравился ли он мне. Ответил, что понравился. Слово за слово, стали говорить о недостаточной эмпирической подкрепленности, слабой доказательности наших теорий и даже классификаций. Я сказал, в частности, что концепция историко-этнографической классификации не только народов мира, но и народов Советского Союза сформулирована очень приблизительно, что выделение историко-культурных регионов также сделано приблизительно, «на глазок», без достаточной проработки эмпирических данных. Николай Николаевич вдруг буквально разбушевался:

— Ну, конечно, ну, конечно! Разумеется, на глазок. Вы совершенно правильно ставите вопрос. Нужно использовать ареальный метод. — И тут же добавил: — Но

ведь это страшно трудоемкая работа! И кто же ее сделает?

...Прошло еще немного времени, и его не стало. Но всякий раз, когда я прохожу по улице Герцена мимо дома № 5, где прежде помещался истфак, мне непременно думается одно и то же: а вдруг сейчас из-за угла торопливо выйдет Н. Н. Чебоксаров и на мой почтительный поклон ответит, как бывало, скороговоркой:

— Привет, привет, привет...

Примечания

¹ Должен сразу сказать, что ни в коей мере не стремлюсь дать сколько-нибудь законченную и тем более исчерпывающую характеристику Николая Николаевича Чебоксарова. Предлагаемое повествование, конечно же, очень субъективно и фрагментарно и имеет только одно назначение — показать влияние этого крупного ученого на всех тех, кому (как и мне, например) посчастливилось быть его учеником, позднее — коллегой, да просто иметь возможность общаться с ним.

² В этом разговоре Н. Н. Чебоксаров как бы возвращался (вслед за цитируемым им собеседником) к острым дискуссиям рубежа 1920—1930-х годов, когда некоторые их участники, проявляя невежествен-

ный радикализм, требовали «отмены» этнографии.

³ Видимо, имелись в виду работавшие в те годы в Институте этнографии (в московской его части) Г. С. Маслова, В. Н. Белицер и (в ленинградской части) Е. Н. Студенецкая, успешно разрабатывавшие проблемы материальной культуры, в частности одежды, соответственно восточных славян, народов Урало-Поволжья и народов Северного Кавказа.

Рассказывая об этом, Н. Н. Чебоксаров просил нас, как он говорил, «до времени» не разглашать

данные о факте обследования пленных, так как существует Международная конвенция (какая именно, я не выяснял), запрещающая использовать военнопленных в качестве объектов для научных исследо-

ваний. Теперь, я думаю, все это имеет чисто исторический интерес.

⁵ Сектор занимался этнографией всех европейских народов. Позднее он разделился: из него выделились более специализированные региональные секторы — народов зарубежной Европы, восточнославянских народов (впоследствии — Сектор этнографии русских) и Сектор народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера.

6 Сказанное нисколько не умаляет значения названной книги, она чрезвычайно информативна и

интересна, на нее и сейчас нередко ссылаются специалисты.

The Chair of Ethnography at the Historical Department (Moscow University at the Beginning of the Fifties): N. N. Cheboksarov

The author shares his recollections of the personality of an outstanding anthropologist N. N. Cheboksarov, who has worked at the chair during 1950s and 1960s.

U. U. Pimenov